

РАШЕЛЬ ХИН (1863-1928). ЖИЛА ЛЮБОВЬЮ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И К СВОЕМУ ОБЕЗДОЛЕННОМУ ПЛЕМЕНИ

Рашель Мироновна Хин – российская писательница, драматург, член Всероссийского Союза писателей, Общества любителей российской словесности при Московском университете – родилась 9 марта 1863 года в Горках Могилевской губернии. Выросла она в семье купца второй гильдии, фабриканта М. М. Хина и Р. Э. Хин, которые переехали в Москву, когда их дочь была еще подростком. У неё были брат Марк и сестра Анна, все трое детей получили хорошее образование. С четырнадцати лет училась в 3-й Московской женской гимназии, где наибольшее влияние на неё оказал учитель словесности Ф.П. Декапольский (1845-1907). После окончания гимназии Рашель поступила на Высшие медицинские курсы в Санкт-Петербурге, которые вскоре были закрыты.

В 1880-1881 годах Рашель Хин жила в «русской колонии» в Париже, после чего оставила теплые воспоминания о своём знакомстве в этот период с И. С. Тургеневым:

«... В течение этого времени – особенно весной и зимой – я часто видела Ивана Сергеевича. Он помог мне разобраться в запутанной сети курсов по истории, литературе и философии, которые влекли меня в аудитории College de France и Сорбонны. Мне хотелось слушать все и всех, но Иван Сергеевич настойчиво советовал не разбрасываться, а выработать определенную программу, и сам указал мне на некоторых, по его мнению, наиболее для меня полезных профессоров. При встречах, даже мимолетных, он всегда осведомлялся о моих занятиях, а иной раз, в шутку, производил довольно придирчивый экзамен. Несмотря на необыкновенно доброе, милое и ласковое обращение со мной Тургенева, я в его присутствии испытывала такой благоговейный страх, что в первое время нашего знакомства, как только я входила в его кабинет, все предметы начинали мелькать перед моими глазами, я буквально не знала, куда сесть, что сказать...»

Иван Сергеевич, конечно, замечал мое волнение и, чтобы дать мне оправиться, говорил, покачивая головой: – Опять задохнулась! Ведь я вас просил не взбегать на лестницу... и куда торопиться... Я понемногу успокаивалась, “отходила”; а когда Иван Сергеевич, бывало, разговорится, для меня исчезало время и пространство: слушать его можно было без конца. Он говорил очень хорошо и очень просто. Несмотря на долголетнее пребывание в Париже, речь его не напоминала блестящую causerie французов. В ней была иная прелесть. Он всегда владел предметом беседы и с изысканным мастерством, не лишенным лукавства, умел располагать к откровенности и даже излияниям робких и замкнутых людей. Чего бы он ни ка-

сался в разговоре – философии, религии, искусства, политики, любви, музыки, злобы дня, личной размолвки – во всем сказывался животворящий дух его таланта, мягкость и грусть русского человека с оттенком насмешки, сомнения, уныния и надежды. Он охотно обращался к прошлому, – я много слышала от него о Достоевском, Толстом, Гончарове, Лескове, а больше всего о Белинском, о котором он всегда вспоминал с трогательной нежностью, называя его святым. В последующие годы мне приходилось встречать и слышать немало замечательных людей и на родине, и за границей, но такого чарующего впечатления, как Тургенев, на меня уже никто не производил.

Со смерти Тургенева прошло 18 лет. Срок небольшой. А между тем, как мало его читают, как мало ценят. Уродливое преподавание русского языка в нашей школе принесло свой плод. Во всех образованных странах юношество воспитывается в любви к родной литературе. Французский *bachelier* знает наизусть В. Гюго. Немецкий гимназист гордится Гете и Шиллером. А у нас – “зрелые классики”, знакомые с Пушкиным, Гоголем, Толстым, Тургеневым лишь по отрывкам – обычное явление. Тургеневу в этом отношении особенно не повезло. Молодежь *a priori* считает его “отсталым”, а взрослые, чтобы оправдать свое равнодушие, с апломбом восклицают: куда ему до Достоевского, до Толстого... Но, если уж никак нельзя выйти из заколдованного круга сравнений, то... Тургенев так же велик, как Толстой. Оба они, хотя и разными путями, учат любить и жалеть человека, верить в добро и искать истину. Всеобъемлющая душа Тургенева жаждала гармонии. Его упрекали в политическом индифферентизме. Это неверно. У него было очень определенное политическое зрение, но он никогда не был человеком партии. Да и какая партия могла его удовлетворить! Он был художник-философ. Его интересовало все живущее – природа, люди, наука, искусство. Он дал несравненную картину современной ему эпохи, причем сумел в самых животрепещущих явлениях фиксировать элемент вечности.

Пессимизм Тургенева не есть пессимизм отчаяния. Он вытекает из самого существа жизни. Люди несчастны, но жить стоит. Рядом с эгоизмом, злобой, низостью, неиссякаемый родник любви, героизма самоотвержения, энергии... Рядом с неизбежной борьбой отцов и детей – старость без зависти приветствует расцвет молодых сил, грусть неразлучна с надеждой и человечество, спотыкаясь, блуждая, сворачивая в сторону – все-таки, несмотря ни на что, идет вперед. Тургенев поэт и учитель. Его нельзя забыть. Охлаждение к нему может быть только явлением случайным!.. Оно пройдет. К Тургеневу вернутся. Его будут читать, перечитывать и изучать с той благодарностью, какую заслуживает этот великий мастер русского слова и великий художник человеческой души».

Ему же, Тургеневу, Рашель Хин посвятила свой сборник рассказов «Под гору» (1900). Три года училась на историко-литературном отделении Коллеж де Франс, затем прошла трёхгодичный курс истории и литературы в Сорбонне. В 1883 году вышла замуж за юриста С.Г. Фельдштейна, для развода с которым через два года она приняла католичество, которое позже не практиковала и даже не упоминала в своих мемуарах. Вторым браком вышла замуж за адвоката и публициста О. Б. Гольдовского (1865-1922), с которым фактически жила с 1886 года и который для этого брака также вынужден был принять христианство, после чего они смогли в 1900 году обручиться в костёле в Толочине.

Под именем Рашель Хин-Гольдовская она стала заметной фигурой в кругу московской интеллигенции. Её литературный салон посещали многие видные деятели культуры города. Уже к 1906 году, когда его жена находилась за границей, О. Б. Гольдовский начал романтические отношения с виолончелисткой Леей Сауловной Любошиц (1885-1965), выступавшей в популярном «трио Любошиц» с сестрой Анной (скрипачкой) и братом Петром (пианистом); однако

его брак с Р. М. Хин не распался, и он стал жить на две семьи: вне семьи у него родились два сына и дочь.

В декабре 1917 года квартира Гольдовских была подвергнута обыску, а в 1919 году сам Гольдовский был арестован и некоторое время содержался на Лубянке. После отъезда Леи Любошиц с сыном на гастроли за границу в 1921 году Рашель Хин с мужем удалось переправить в Берлин малолетнюю дочь Гольдовского Ирину, а в июне она подала заявление в президиум ВЦИК с просьбой разрешить ей выезд за границу на лечение. 2 августа 1921 года Хин получила мандат за подписью наркома просвещения А.В.Луначарского на поездку в Германию «для изучения новейшей детской литературы и лечения». В 1922 году О. Б. Гольдовский скоропостижно скончался от инфаркта миокарда, а Рашель Хин возвратилась в Москву. Несмотря на то, что она больше не публиковалась, Хин-Гольдовская состояла во Всероссийском союзе писателей и была членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. Её последняя статья «Памяти друга» – воспоминания об адвокате и судебном ораторе Анатолии Кони – была опубликована уже посмертно в сборнике «Памяти А.Ф. Кони» в 1929 году. Вот избранные строчки о нем:

«Редкое имя в России – в течение более чем полувека – пользовалось такой популярностью, было окружено ореолом такого обаяния, как имя Кони. Его знали люди всякого “толка”, даже такие, которые, казалось бы, не имели ни малейшего касательства ни к какой стороне его разнообразной деятельности. Конечно, он был знаменитый юрист, оратор, писатель, один из образованнейших людей своего времени... Но ведь это еще не дает власти над сердцами... Какой же дар привлекал к нему, по выражению Владимира Соловьева, “людей всяких вер”?... Мне кажется, что это происходило от редкого в нем сочетания противоположных сил. Обычно, в результате такого сочетания, получают изломанные, несчастные характеры, и лишь в исключительных случаях, когда воля подчиняет себе темперамент, оно создает гармонический образ. Преобладающая сила Кони заключалась в уме, – проницательном, аналитическом, холодном, уме не следователя, а исследователя.

Но в этом же уме жил и большой художник, большой артист – и нужна была железная рука, чтобы артист и художник не опрокидывали ума «холодных наблюдений». Наивно было бы предполагать, что Кони был чужд «земных страстей». Он жил на миру, окруженный соблазнами, и «ничто человеческое ему не было чуждо». «У каждого, – говаривал он, – есть свои собаки; чтобы они не разорвали, надо их держать на цепи». И он умел их держать. На помощь приходила выкованная в жизненной борьбе воля, огромная работоспособность и всепоглощающее чувство ответственности и долга. Литература и театр были его родными стихиями находился Анатолий Кони. Он сам с трогательной благодарностью вспоминал свою немецкую школу, хотя вышел из ее младших классов. Затем, не кончив курса II гимназии, уже 15-летним мальчиком держал экзамен экстерном в Петербургский университет, оттуда, через год, перешел на юридический факультет Московского университета и уж никогда не порывал с ним связи...

Как, однако, ни увлекательна была наука права, она не могла вытеснить из его души первые впечатления “бытия” в атмосфере литературы и театра. Волшебная власть художественных образов, воплощенных в слове, приковала его к себе на всю жизнь. Вот почему он всегда был чужой среди сановников и свой среди писателей и актеров. Перед Пушкиным он благоговел, называл его величайшим гением России, ее оправданием перед миром. Вся пушкинская плеяда легла в основу его художественной сокровищницы. Путь от Пушкина и Гоголя к Толстому и Достоевскому есть исторический путь русской культуры.

Кони оставил нам целую галерею незабвенных портретов. Достоевский, Некрасов, Тургенев, Гончаров, Владимир Соловьев, Писемский и т. д. оживают под его пером всегда с

неожиданной стороны. Тем, кто имел счастье слышать из уст Анатолия Федоровича живую повесть этих, уже сошедших с земной сцены, людей, казалось, что они видят их воочию, слышат звук их голоса. Такое счастье, да еще в простой обстановке деревенского дома, выпало на долю моей семьи. Анатолий Федорович очень любил нашу скромную усадьбу в Тверской губернии. У него было три деревенских “причала”: Ясная Поляна, которую он называл “дезинфекцией души от Петербурга”, величественный “Караул” Б. Н. Чичерина, который утешал его своим высоко европейским укладом, и наше маленькое Катино, куда он приезжал, как к себе домой. Он проводил у нас – в продолжение длинного ряда лет – рождественские праздники, раннюю весну в пасху. Наезжал и летом, и осенью, иной раз всего на три-четыре дня, чтобы “передохнуть”. Его приезды всегда были радостью не только для нас, но и для наших соседей

Кони не был ни присяжным филологом, ни беллетристом, ни поэтом... Откуда же он почерпал свой богатейший словарь? А эта многогранная игра диалога, в которой всегда чувствовалось: “с подлинным верно...”. Все это у него было из бездонных глубин одного родника – из России... Он знал ее от курной избы до царских дворцов, от “калик переходжих” до Андрея Белого и Максимилиана Волошина.

Провозглашенная “священной” мировая бойня повергла Анатолия Федоровича в полное уныние. Как Анатолий Федорович отнесся к революции? Он принял ее, как закономерное следствие затянувшейся войны, вскрывшей истлевшие устои, на которых держался импозантный фасад бывшей Российской империи. Кони не был революционером. Он был философ-гуманист. Человеческую личность он считал величайшей ценностью. Среди ужасов гражданской войны, под обвалом векового строя, в разгар голода, в хаосе братоубийственной ненависти – этот бывший сенатор, а теперь больной старик, со сломанной ногой, на двух костыльках, появился перед только что вышедшей на свет аудиторией, настороженной и недоверчивой. Чему же он стал ее учить? Он стал ей рассказывать о том, что такое “этика общежития”. Его приняли вначале с осторожностью, отдаленно, а затем все ближе и дружелюбнее. Талисман, пленявший былую молодежь, пленил ему и новую. Этот талисман – неустребимая вера в жизнь, какие бы она ни принимала формы.

В 1921 году, в день его рождения, к нему пришла делегация от его новых слушателей и принесла ему... белый хлеб. “Никогда, – писал он мне, – никакие цветы так меня не трогали и не радовали”. И все эти годы, вплоть до последней болезни, он работает, приводит в порядок свои мемуары, пишет о Чехове, читает лекции на всевозможные темы. Ведь, начиная с 1918 года и до своей болезни, Анатолий Федорович, оказывается, прочитал тысячу лекций! Он не может расстаться с аудиторией, только она держит его на волнах грозного моря...

О последних минутах Анатолия Федоровича мне сообщила находившаяся при нем безотлучно Е. В. Пономарева: «Анатолий Федорович, казавшийся уже в забытии, вдруг воскликнул, как бы обращаясь к аудитории: – Воспитание... воспитание... это главное. Нужно перевоспитать... Человек вылощенный не то же самое, что человек воспитанный... Воспитание... глубоко... глубоко... глубоко...». Таковы были предсмертные слова этого учителя нравственного общежития, оставившего грядущим поколениям завет смиренного тюремного доктора и великого человеколюбца Гааза: «торопитесь делать добро!».

Первые публикации Рашели Хин появились в ежемесячном журнале «Друг женщин», издаваемом в Москве в 1882-1884 годах под редакцией Марии Богуславской. Ряд её повестей и рассказов был напечатан в «Вестнике Европы», «Русской Мысли», «Неделе», «Восходе». Повести Хин посвящены изображению русских интеллигентных кружков в России и за границей, жизни средних помещичьих семей и, отчасти, еврейского быта. В последних автор очень негативно относится к разбогатевшей еврейской буржуазии и рисует трагическое положение интеллигент-

ного еврея, которому приходится делать выбор между любовью к воспитавшей его русской культуре и любовью к обездоленному родному племени. По мнению литературоведа С. А. Венгерова, «повести Хин задуманы небанально и читаются с интересом, но им недостает цельности и простоты. Редкая из них обходится без нескольких смертей и другого рода чрезвычайных происшествий; «героини» всегда представляют собой соединение ума, красоты, благородства».

Написала Р.М. Хин также ряд пьес, в том числе «Поросль», «Под сенью пенатов», «Ледоход (Драма из эпохи освободительного движения 1905 года)», «Дурная кровь (На баррикадах)» и «Наследники». Пьеса «Наследники» была поставлена в московском Малом театре режиссёром С. В. Айдаровым (декорации Бориса Гейкблума), но снята в 1911 году под давлением Союза русского народа. После 1923 года больше не публиковалась, работала над мемуарами, которые так и остались неопубликованными.

Материалы из её дневников вошли в ряд посмертных публикаций. Сохранилась обширная переписка Р. М. Хин с деятелями русской культуры (И. С. Тургенев, В.П. Обнинский, П.Д. Боборыкин, Н.И. Стороженко, В.И. Танеев, А.И.Урусов, В.И. Качалов, А.И. Южин, Е.К. Лешковская), в том числе – 395 писем от А.Ф.Кони. Умерла Рашель Хин 12 декабря 1928 года в Москве.

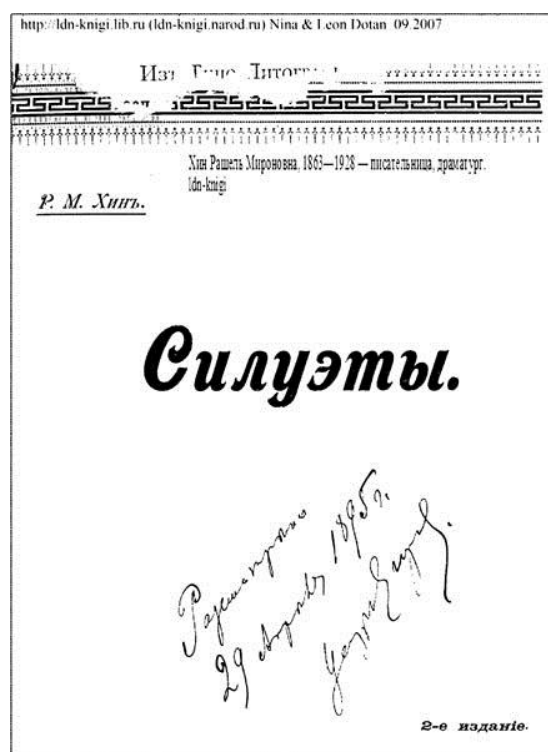
Рашель Хин посвящено стихотворение посещавшего её салон Максимилиана Волошина «Я мысленно вхожу в ваш кабинет...» (1913), положенное на музыку композитором Давидом Тухмановым (1975):

Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьётся сердце, взятое в их плен...
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептический Франс, Святой Сатир — Верлен,
Кузнец — Бальзак, чеканщики — Гонкуры...
Их лица терпкие и чёткие фигуры
Глядят со стен, и спят в сафьянах книг.
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им... но более глубоко
Волнует эхо здесь звучавших слов...
К вам приходил Владимир Соловьёв,
И голова библейского пророка -
К ней шёл бы крест, верблюжий мех у чресл -
Склонялась на обшивку этих кресл...
Творец людей, глашатай книг и вкусов,
Принесший вам Флобера, как Коран,
Сюда входил, садился на диван
И расточал огонь и блеск Урусов.
Как закрепить умолкнувшую речь?
Как дать словам движенье, тембр, оттенки?

Мне памятна больного Стороженки
 Седая голова меж низких плеч.
 Всё, что теперь забыто иль в загоне, —
 Весь тайный цвет Европы иль Москвы —
 Вокруг себя объединяли вы:
 Брандес и Банг, Танеев, Минцлов, Кони...
 Раскройте вновь дневник... гляжу на ваш
 Чеканный профиль с бронзовой медали...
 Рука невольно ищет карандаш,
 А мысль плывёт в померкнувшие дали.
 И в шелесте листаемых страниц,
 В напеве фраз, в изгибах интонаций
 Мерцают отсветы событий, встреч и лиц...
 Угасшие огни былых иллюминаций.

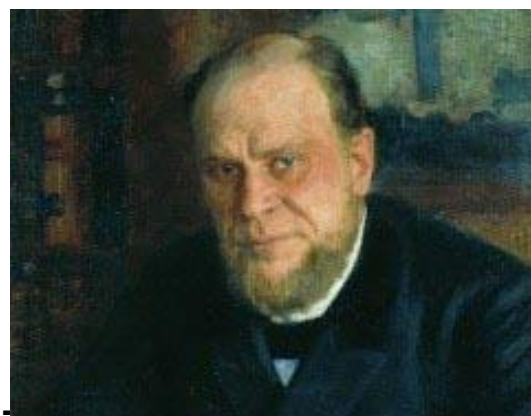
Онисим Борисович Гольдовский (1858?-1922)

Титульный лист сборника Р.М.Хин «Силуэты»

И.С.Тургенев

А.Ф.Кони

• ОБРЕТЁННЫЕ ВНОВЬ ИМЕНА •

Авторский проект
члена Союза писателей Беларуси,
профессора-историка, публициста, краеведа
[Валерия ЧЕРЕПИЦЫ](#)
на сайте Гродненского областного отделения СПБ

Для справки:

ЧЕРЕПИЦА Валерий Николаевич родился 1.01.1945 г. на Брянщине. Советский и белорусский историк, педагог, краевед, публицист и общественный деятель. Кандидат исторических наук (1979), профессор (1991), академик Петровской Академии наук и искусств (2014), преподаватель Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. С 2019 года является преподавателем кафедры социально-гуманитарных наук ГрГМУ. Автор более 500 научных публикаций и двух десятков книг исторической публицистики. Член Союза писателей Беларуси. Лауреат Премии имени А.И.Дубко за достижения в сфере культуры и искусства в номинации «Писатель года» (2012). Награждён орденом Франциска Скорины. Живёт в Гродно.

